

М.А. Тарусин

СЕМИНАР В ЛОНДОНЕ

ТАРУСИН Михаил Аскольдович — руководитель отдела социологических исследований Института общественного проектирования. E-mail: mtarusin@yandex.ru

Лондон – явление самодостаточное. Он в центре Вселенной, точка отсчета ценностей и пространства. Англичане это принимают как естественную меру вещей и много не мыслят. Имею в виду англичан белых и рыжих, а не желтых и коричневых, которые метут тротуары, опорожняют мусорные баки и, в лучшем случае, бегают за мячиком на деньги Абрамовича.

Мы приехали именно к белым, на семинар в Международный Институт стратегических исследований.

Лист, как известно, прячут в лесу. В конторе с подобным названием можно спрятать что угодно, так что даже и гадать глупо. Но здание его на берегу Темзы на Temple Place было пожилым и солидным, красного кирпича с вставками серого камня и ажурными резными арками окон. Из которых открывался вид на Темзу, Биг Бэн и Вестминстерское аббатство.

Нас встретила г-жа Антоненко, румяная жизнерадостная дама. Ее лицо грустнело лишь тогда, когда она вспоминала о страданиях мирных чеченцев. Но, забывая об этом, дама снова становилась живой и доброжелательной.

Английские и русские представители заняли места за столом красного сукна, который тянулся по периметру большой залы. Собрание почтил своим присутствием лорд Робертсон, добродушный джентльмен, который некоторое время был генсеком НАТО, но не смог заразить её этим свойством своего характера. Он открыл семинар приветственным словом. Вначале пошутил насчет своих шотландских корней. Лорд

сказал, что в фильме «Крестный отец» Капоне делал предложение, от которого нельзя было отказаться, а шотландцы делают предложения, которые нельзя понять. Потом посерьезнел и долго развивал мысль, что его, лорда, давно уже сильно тревожит и крайне беспокоит. Его речь вызвала сочувствие, но поскольку лорд вскоре вышел и не вернулся, мы так и не поняли, чем можем ему помочь.

Подождав для приличия, принимаемая сторона представила доклад, из которого следовало, что Россия находится в периоде динамического развития и то, к чему англичане шли несколько столетий, у нас нынче проходит за год — три.

После доклада наступило молчание. Принимающая сторона переглядывалась и явно хотела спросить у соседа: «О чем сейчас шла речь?». Но, обнаруживая истинно английский такт и сдержанность, не спросила.

Затем выступил представитель английской стороны, со вздохом скорби поинтересовавшись, не стало ли в России хоть немного лучше с проблемами прав человека, свободой слова и муками простых чеченцев?

Представители российской стороны побледнели и потупились — настолько неожиданным и остро актуальным оказался вопрос.

Жалея гостей, другой представитель хозяев сказал, что они готовы научить русских вырастить гражданское общество при небольшом условии, а именно, что русские сразу начнут жить исключительно в рамках тех ценностей, которые приемлемы для Европы.

Представитель российской стороны, опомнившись, сказал, что россияне полно и безоговорочно приняли ценности, единственно приемлемые для Европы. Не сдержавшись, он добавил, что сама Европа полюбила свои ценности лет 30 назад, а до того обнаруживала совсем иные наклонности.

— Я, по-моему, ослышался — сказал один представитель английской стороны другому.

— Да — ответил тот — потому что я тоже ослышался.

И оба они сдержанно кивнули друг другу.

Меж тем беседа продолжалась в следующем ключе.

Представитель английской стороны:

Мы выслушали интересный доклад, в котором содержатся сведения о том, что в России есть средний класс. Вот тут присутствует крупный специалист по чему угодно, он как раз недавно был в России и скажет, встречал ли он там средний класс.

Андрю Джек, крупный специалист (жеманясь и хихикая):

Вообще-то я не понимаю, что такое средний класс, вот мы в Англии не можем определить средний класс, есть он тут или нет, но вообще-то наверное всё тут вокруг и есть средний класс... Но вот в России, мы, понимаете, не имеем возможности изучать что-то там... Поэтому мы больше собираем шутки, анекдотики разные... С правозащитниками беседуем... Но вот среднего класса там нет.... То есть я его не видел, да и откуда он там, сами посудите?!

Второй представитель английской стороны:

И к тому же мы выражаем сомнения в том, что в России любят демократию и те ценности, которые мы очень уважаем.

Представитель российской стороны:

Мы очень любим демократию и те ценности, которые вы уважаете. Вот, например (следует длинная доказательная база).

Другой представитель английской стороны:

Это, несомненно, так, но возникают определенные опасения относительно того, разделяют ли в России те ценности, которые разделяем все мы?

Другой представитель российской стороны:

Ваши ценности являются основополагающими для современного российского общества, так как... (следует длинная доказательная база).

Третий представитель английской стороны:

Мы это понимаем, но я хочу только сказать, что мы все были в шоке, когда узнали, что в России не любят демократию.

Третий представитель российской стороны:

Данные, имеющиеся у нас, говорят о непрерывно растущей любви россиян к демократии (доказательная база).

Еще один представитель хозяев, на чьем лице отобразилось нечто вроде понимания того, о чем говорит российский представитель:

Я хотел бы добавить, что мы вполне можем допустить, что когда-нибудь, не исключено, ну, лет через сто, человек пять-шесть и в России смогут полюбить демократию...

Молчавший до этого представитель английской стороны:

На каком основании, сэра, вы делаете столь резкие заявления?

Тот:

Я собственно... я ничего такого... просто, там ведь тоже ведь...не совсем уж... но, с другой стороны... да, вы правы, сэра, моё заявление шокирует своей резкостью.

Представитель английской стороны (переводя разговор):

А вот я хотел бы спросить о том, о чем сегодня еще никто не говорил: почему, всё-таки, в России упорно отвергают западные ценности?

Представитель российской стороны:

Да что это за наказание такое, в седьмой раз ведь уже!...

Другой представитель российской стороны (тихо):

Ш-ш-ш-ш-ш... (громко): Господа! Мы только что получили сообщение с родины, в котором говорится, что только что в России окончательно приняты западные ценности.

Представитель английской стороны:

Да, но ведь очень важно, чтобы Россия вела себя правильно, потому что будет очень неверно, если Россия будет вести себя неправильно.

Ближний к нему представитель английской стороны:

И это правильно.

Другой представитель английской стороны:

Подытоживая нашу содержательную беседу, мы хотим сказать, что она позволила максимально сблизить наши позиции и решить все противоречия и нам остается только пожелать, чтобы Россия полюбила, наконец, западные ценности, соблюла права человека, выпустила слово на свободу, перестала пытаться мирных чеченцев и говорить про Березовского плохо.

Один представитель российской стороны другому:

Они что это, нарочно?

Тот ему:

Ш-ш-ш-ш....

На следующий день вечером мы, с одним представителем российской стороны, зашли в очередной по счету паб. Мой спутник, устав от эля и водки, сел за столик на улице и попросил меня заказать ему какао. Подойдя к стойке, я сказал смуглому парню на той стороне:

Please, hot chocolate and...

Тут я задумался, глядя на рычаги с сортами эля, и вдруг услышал:

Что-то вы не похожи на человека, который пьет какао...

Говорил это парень за стойкой, по виду араб, и я вдруг сообразил, почему я понял его сразу и без транслейтных мук – он говорил по-русски.

А это... как это вы поняли, что я русский?

— Своих везде узнаешь – сказал он с широкой улыбкой. Араб Али отучился пять лет в Москве, да прожил после столько же, а нынче перебрался через море, но душу с собой не перевез.

Али стал накачивать мне пинту «Гиннеса», и его темное лицо вдруг осветил яркий внутренний свет, глаза загорелись и блеснули. Он широко осклабился и почти пропел, как молитву:

— Но как же мы их сделали! Как мы их сделали!!! А, друг?!

Я понял его мгновенно, а для прочих поясню, что неделей ранее наша футбольная сборная обыграла англичан, что в последний раз ей удавалось полувеком ранее.

— Да, друг – сказал я – мы их сделали!

И паб зазвенел от наших ладоней, ударивших друг друга с лихого размаха.

— Их тут не любят – сказал доверительно Али.

— А где их любят – сказал я и уточнил – ты имеешь в виду – здесь, в пабе?

— Здесь, в городе – сказал он.

Я вышел на улицу и сел за столик, пояснив своему приятелю причину панибратства с пабменом.

Спустя время Али вышел в прохладу ночи и мечтательно повторил:

— Нет, но как же мы их сделали!

— Да – сказал я – да, друг, мы их сделали.

Лондон – явление самодостаточное. Он в центре Вселенной, точка отсчета ценностей и пространства. Англичане это принимают как естественную меру вещей и много не мыслят. Но что же будет с ними, когда центр Вселенной вдруг начнет смещаться? И, прощаясь с Али, я понял, что он уже давно смещается, медленно и неотвратимо.